

ЕМЕЛЬЯНОВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, сотрудник Государственного музея политической истории России (Санкт-Петербург). Автор 32 научных публикаций, в т. ч. двух монографий*

МИХАЙЛОВ Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. трех монографий**

БЫТ И СЛУЖБА РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX века

В современной Российской армии появляются предложения о воссоздании должностей штатных военных священников. В связи с этим актуальным становится изучение опыта построения и функционирования военно-духовного ведомства Русской императорской армии. Работы по созданию единого ведомства военного духовенства начались в середине 1880-х годов по инициативе военных кругов и главного священника армии и флотов А.А. Желобовского. 11 июля 1890 года А.А. Желобовский получил указы Святейшего Синода о своем назначении на должность протопресвитера военного и морского духовенства и переходе под его начало всех церквей армии и флота. При протопресвитере армии и флота было создано Духовное правление. С последней четверти XIX века в ведомстве военного духовенства была проделана большая работа. Главным оказалось улучшение материально-бытовых условий священнослужителей военного ведомства и привлечение в армию лучших представителей белого духовенства. 22 апреля 1911 года протопресвитером Русской императорской армии стал выдающийся священник Г.И. Шавельский – первый, кто имел богатый опыт службы на театре военных действий. Благодаря руководителям военно-духовного ведомства институт военного духовенства приобрел четкую и отлаженную структуру, которая совершенствовалась и развивалась. В мирное время религиозные обряды могли совершаться нерегулярно – исключения составляли полковые и гарнизонные церкви в крупных городах, где службы велись постоянно. В обязанности военного духовенства входило проведение занятий по Закону Божию, общие внебогослужебные беседы и чтения, отдельные беседы с сектантами. В бою место нахождения полкового священника было на передовом перевязочном пункте: многие представители военного духовенства неотлучно находились на передовой, участвовали в боевых действиях. О доблести военных священников в годы войны свидетельствуют многочисленные факты награждения духовенства за боевые заслуги.

Ключевые слова: Русская императорская армия, военное духовенство Российской империи, протопресвитер военного и морского духовенства, А.А. Желобовский, Г.И. Шавельский, Русско-японская война.

*Адрес: 190000, Санкт-Петербург, Кронверкский просп., д. 1; e-mail: batukom@mail.ru

**Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15; e-mail: batukom@mail.ru

Для цитирования: Емельянов С.В., Михайлов В.В. Быт и служба российского военного духовенства конца XIX – начала XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 16–27. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.16

В современной Российской армии уже давно назрел вопрос об идеологическом и патриотическом воспитании в рядах вооруженных сил страны, ответственным за которое в дореволюционной России было военное духовенство. Споры о воссоздании должностей штатных военных священников уже давно ведутся как в военном ведомстве, так и в российском обществе в целом. Однако прежде чем принимать решения общегосударственного масштаба, следует изучить историю вопроса, тем более что путь, пройденный российским военным священством, отмечен как подвигами и героизмом, так и решением рядовых вопросов устройства быта духовенства и административного руководства им в непростых условиях армейской жизни. При этом военное духовенство, заменяя политработников, уже существует во многих воинских частях благодаря договоренностям Министерства обороны РФ и Русской православной церкви [1, с. 42]. В связи с этим сегодня, как никогда, актуальным становится изучение опыта построения и конкретного функционирования военно-духовного ведомства Русской императорской армии.

Данный вопрос в последнее время все больше привлекает внимание историков – светских и церковных. Так, в сентябре 2013 года в Санкт-Петербургской православной духовной академии проведена конференция «История военного духовенства в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.» [2]. В 2016 году 300-летию учреждения российского военного духовенства была посвящена V Открытая научно-практическая конференция «Ивашевские чтения» [3]. При этом вышла всего одна научная монографическая работа по истории военного духовенства в последние годы существования Российской империи [4] и одна монография, сфокусированная на вопросах религиозного воспитания российских военнослужащих [5], что говорит о недостаточной изученности этой темы, особенно в отношении конкретных условий труда и жизни военных священников в мирное и военное время.

С момента создания в России регулярной армии в рамках военного ведомства стал формироваться институт военного духовенства. В отдельную структуру ведомство военного духовенства выделилось при императоре Павле I в 1800 году, когда полковые священники были выведены из прямого подчинения епархиальных архиереев. Во главе военного духовенства стоял обер-священник армии и флота [6, с. 1]. Это обусловило значительное повышение роли военного духовенства в годы Отечественной войны 1812 года [7].

К середине XIX века в Русской армии сложилась ситуация, когда три духовных лица находились на должности обер-священника. Отдельного руководителя имели гвардейские части, армия и войска, расположенные на Кавказе. Между тем в военной и военно-духовной среде выросло осознание ненормальности разрозненности военно-духовного управления. Изменения начали происходить после смерти (31 июля 1883 года) главного священника (так впоследствии стала именоваться должность обер-священника) армии и флота В.Б. Бажанова.

По инициативе военных кругов и нового главного священника армии и флота А.А. Желобовского начались работы по созданию единого ведомства военного духовенства. Соединению полномочий главных священников предшествовала работа двух особых комиссий, созданных в феврале 1884 года и феврале 1890 года. По итогам работы комиссий Святейший Синод принял высочайшие указы, которые 11 июля 1890 года были направлены на имя А.А. Желобовского, уже совмещавшего две должности – главного священника армии и флота и главного священника гвардии и гренадер. Первым указом его уведомили о назначении на новую должность протопресвитера военного и морского духовенства¹. Вторым указ сообщал об упразднении с 12 июня того же года должности главного священника Кавказской армии².

Потребовался особый порядок назначения протопресвитера военного ведомства. Согласно

¹РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 806. Оп 4. Д. 246. Л. 1.

²Там же. Л. 2.

новому положению, процедура назначения нового протопресвитера была аналогичной назначению епархиальных преосвященных и их викариев. По рангу протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном мире и генерал-лейтенанту в военном сословии, а также имел право на личные доклады императору. Все военное духовенство, включая гвардейских священников, оказалось в подчинении одного человека. При протопресвитере армии и флота для решения текущих дел было создано Духовное правление. В связи с постоянно возрастающим количеством дел в 1909 году введена новая должность – помощник протопресвитера военного и морского духовенства³. В обязанности помощника входило исполнение обязанностей протопресвитера в случае болезни или отсутствия последнего⁴. Следующую ступень в иерархии военного духовенства традиционно занимали дивизионные и гарнизонные (с 1913 года) благочинные, т. е. священники, стоящие во главе духовенства дивизии. В армейских и гвардейских полках, а также на судах, уходящих в дальнее плавание, служили рядовые священники.

В силу объективных причин корпус военного духовенства постоянно увеличивался. Так, в 1869 году военно-духовному ведомству были подчинены 24 военных собора, сотни церквей (437 полковых, 13 крепостных, 32 госпитальных, 17 тюремных, 33 судовых и т. д.), а также целый ряд лечебных, учебных и прочих богоугодных заведений [8, с. 200]. По состоянию на 1880 год в ведении главного священника находились 400 священно- и церковнослужителей. В 1910 году в военном ведомстве уже находились 651 церковь и 975 чел. военного духовенства [9, с. 254].

В годы ведения крупномасштабных войн структура управления военным духовенством усложнялась. Создавались временные структуры управления военным духовенством, находящимся на театре военных действий. Вводились должности полевых главных священников действующих армий и полевые управления при них.

В мирное время названные структуры расформировывались⁵. Кроме прочего, на время Первой мировой войны была учреждена новая должность – секретарь при протопресвитере военного и морского духовенства.

В ведомстве военного духовенства с последней четверти XIX века проделана огромная работа. Особо стоит отметить, что кроме внешней реорганизации усилиями протопресвитеров был полностью изменен облик полковых священников. Не только образовательный, но нередко и моральный уровень армейских священнослужителей первой половины XIX века оставлял желать лучшего. С одной стороны, это негативно сказывалось на авторитете духовенства, с другой – на выполнении задач религиозного служения в армии. Для привлечения достойных кадров в ряды подведомственной структуры руководству армейского духовенства необходимо было решить целый комплекс задач, главными среди которых стали улучшение материально-бытовых условий священнослужителей военного ведомства и привлечение в армию лучших представителей белого духовенства Русской православной церкви.

Сами представители ведомства главного священника армии и флота, руководителя военного духовенства того времени, отмечали, что до 1860-х годов из-за специфики службы в армии часто в полки поступали «недостаточно подготовленные к пастырскому служению, как по образованию, так и по своим нравственным качествам» священнослужители [10, с. 9]. Причины этого объяснялись тяготами военной службы. Например, жизнь приходского священника даже в бедном селе, хотя и была трудна, но отличалась стабильностью. Городское духовенство, как правило, обладало большими материальными доходами: «...Епархиальные архиереи всегда были заинтересованы в том, чтобы удержать лучшие силы у себя, дома» [10, с. 9]; «Все сказанное нами способствовало распространению в обществе не совсем

³РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 75. Л. 108.

⁴Там же. Д. 76. Л. 52.

⁵Там же. Оп. 18. Д. 755. Л. 13.

светлого и лестного взгляда на военное духовенство...» [10, с. 12]. На более высоком уровне находилось духовенство, служащее на западных окраинах империи. По состоянию на 1880 год в Царстве Польском все священники и диаконы имели специальное богословское образование, в Великом княжестве Финляндском – почти все⁶.

В области повышения уровня образования военного духовенства большую роль сыграла реформа всей системы духовного образования: уровень подготовки священников возрос [3, с. 13]. Следующим шагом стало утверждение императором в 1890 году нового положения об окладах и штатах военного духовенства, которое значительно повысило материальный и социальный статус священно- и церковнослужителей армии и флота. Военное духовенство было уравнено по своему положению с офицерским корпусом: дьяконские должности соответствовали обер-офицерским, священнические – штаб-офицерским чинам и должностям. Примечательно, что уже к 1894 году, по отчетам благочинных (должность благочинного исполнял один из четырех полковых священников дивизии), в среде армейских священников, диаконов и псаломщиков духовного звания практически все имели законченное образование уровнем не ниже семинарии (богословский класс)⁷.

Определенные изменения образовательного уровня военного духовенства произошли после разрешения Святейшим Синодом в начале XX века лицам духовного звания поступать в университеты, особенно одобрялось поступление вольнослушателями на медицинские факультеты, т. к. в боевых условиях священники были обязаны оказывать помощь медицинскому персоналу⁸. Среди духовенства также пользовались популярностью юридические и историко-филологические

факультеты. Правда, это продлилось недолго: в 1908 году Святейший Синод запретил поступление духовных лиц в светские учебные заведения⁹. Свою роль здесь сыграл страх распространения революционных идей. Известны случаи, когда военные священники, продолжая выполнять свои прямые обязанности в военном ведомстве, получали высшее духовное образование в духовных академиях¹⁰.

Высокие требования, предъявляемые к военному духовенству в конце XIX – начале XX века, легко обнаружить при анализе фонда протопресвитера армии и флота. В нем только за 1909 год сохранилось около 600 ходатайств от разных высокопоставленных лиц с просьбами (оставленными без удовлетворения) помочь определить их протеже на должности военных священников. Среди прошений есть ходатайства известных и влиятельных людей того времени, например В.М. Пуришкевича. Однако известность и влияние тоже не помогали¹¹.

Для стимулирования вступления в ряды военного духовенства наиболее достойных священников существовали и нематериальные поощрения. Духовенство, получившее образование высокого статуса, имело определенные льготы: бесплатное лечение, билеты по льготным ценам в поездах и т. п. С 1890 года для выходцев из духовенства, вытесняемых из епархий за нарушение церковной дисциплины, переход на службу в военное ведомство «сделался совершенно невозможным» [4, с. 205]. Не престижная ранее должность военного священно- и церковнослужителя стала пользоваться большим уважением в обществе.

Как уже отмечалось выше, первым протопресвитером военного и морского духовенства стал А.А. Желобовский. На своем посту он пробыл до самой смерти 29 апреля 1910 года. Последним

⁶РГИА. Ф. 806. Оп. 3. Д. 7120. Л. 2–23.

⁷Там же. Оп. 4. Д. 1050.

⁸Там же. Оп. 5. Д. 6463.

⁹Там же. Оп. 19. Д. 79. Л. 77.

¹⁰Там же. Д. 74. Л. 83.

¹¹Там же. Оп. 5. Д. 6708.

ИСТОРИЯ

протопресвитером Русской императорской армии стал выдающийся священник военного ведомства Г.И. Шавельский, назначенный на эту должность 22 апреля 1911 года. В отличие от предыдущих протопресвитеров Г.И. Шавельский – первый, кто имел богатый опыт службы на театре военных действий: выстраивая свою работу, он учитывал предыдущий опыт. Незадолго до вступления в должность главы военно-духовного ведомства в интервью газете «Новое время» Г.И. Шавельский заявил, что до него духовенство относилось к своему делу формально, пользовалось шаблонными проповедями и т. п. [11, с. 29], – он настроен бороться с такими настроениями. Последнее ему явно удавалось.

Статус протопресвитера при Г.И. Шавельском стал еще более значимым. С 1915 года протопресвитер был введен в состав Святейшего Синода, членом которого он оставался вплоть до революционных событий февраля-марта 1917 года. Ежемесячно Г.И. Шавельский выезжал из Ставки в Петроград на заседания Святейшего Синода. Кроме того, пользуясь, как и его предшественники, правом личного доклада у императора, Г.И. Шавельский добился права личного присутствия в Военном совете, что позволяло ему координировать задачи своего ведомства напрямую с военным и морским министерствами.

Говоря о повседневной службе военного духовенства, стоит отметить, что в силу своей специфики она заметно отличалась от таковой у приходского духовенства как в мирное, так и в военное время. В мирное время в зависимости от места расквартирования роты или эскадроны одного полка могли быть разбросаны по округе на значительном расстоянии. В связи с этим религиозные обряды могли совершаться нерегулярно, по мере надобности. Исключением являлись полковые и гарнизонные церкви в крупных городах – там службы велись постоянно.

Наиболее напряженный период для священников выпадал на Великий пост. Пастыри были заняты совершением богослужений и приготовлением своей паствы к исполнению исповеди и причастия. С окончанием поста напряженность

ослабевала и деятельность военных священников входила в обыденные рамки: богослужения, проповеди и требоисполнения (если в них возникала необходимость). Летом, при выступлении воинской части в лагерь, для полкового священника наступало время отдыха. Полковые священники не привлекались к участию в маневрах и учениях. С приходом осени (окончание лагерных сборов) во всех частях начинались зимние занятия. В это время в обязанности военного духовенства входило проведение занятий по Закону Божию в учебных командах, ротных школах, школах подпрапорщиков и подхорунжих, общие внебогослужебные беседы, религиозно-нравственные чтения и отдельные беседы с сектантами и староверами.

Значительным образом служба военного духовенства изменялась во время ведения Русской армией боевых действий, особенно в ходе крупномасштабных кампаний. Для империи самой значительной по масштабу и внешнеполитическим последствиям в начале рассматриваемого периода оказалась Русско-турецкая война 1877–1878 годов, ставшая проверкой как для Русской армии, только что перестроенной на новый принцип комплектования, так и для военного духовенства. Военно-духовное ведомство стало приобретать тот вид, в каком встретит Русско-японскую войну, а затем и Первую мировую.

На театре военных действий военные священники оказывались вместе со своими полками. С этого момента все тяготы военной службы в условиях боевой обстановки становились обыденностью и для представителей армейского и гвардейского духовенства. Служба на Балканах выявила многие трудности в исполнении пастырских обязанностей в боевых условиях. В первую очередь это касалось совершения религиозных обрядов во время похода.

По существовавшему положению церковные вещи возили в обозе 2-го разряда. По уставу этот обоз должен был передвигаться на расстоянии 500 шагов от хвоста главных сил. В случае соприкосновения с неприятелем расстояние могло увеличиваться до 8 верст. В действительности обоз чаще всего отставал более чем на 8 верст и, как следствие, не успевал вовремя прибывать

на ночлег. Поэтому самые нужные церковные вещи священникам приходилось возить в отдельном узле, рядом с собой [12, с. 249–250]. Такое положение вещей могло использоваться военным духовенством для неисполнения своих обязанностей. Прикрываясь обстоятельствами, подолгу можно было находиться в обозе, на безопасном удалении от линии фронта. Однако справедливости ради стоит отметить, что подобные случаи не стали распространенным явлением.

В бою полковой священник должен был находиться на передовом перевязочном пункте, где скапливались раненые, нуждавшиеся в медицинской помощи и моральной поддержке. Поэтому от священника требовалось помимо выполнения своих прямых обязанностей уметь исполнять обязанности медперсонала [4, с. 212]. Огромное напряжение физических и моральных сил требовалось от священников военных госпиталей. Например, в 1877–1878 годах полевые госпитали в Болгарии были переполнены ранеными и больными. Смертность была огромной, в первую очередь от дизентерии. Духовенство госпиталей было обязано исповедовать и причащать огромное количество умирающих, совершать погребения по христианскому обряду, вести исповедальные списки¹². Кроме того, церковнослужители оказывали посильную помощь медицинскому персоналу.

Особенности службы военного духовенства во время Русско-турецкой войны можно проследить на примере священника 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии. Даже окончание боевых действий требовало огромного напряжения сил. После заключения Сан-Стефанского мирного договора полк был дислоцирован в г. Виддино поле, который располагался в болотистой местности, что ужасно сказывалось на здоровье солдат: началась эпидемия тифа, затронувшая и персонал лазарета, состоящий всего из двух врачей.

Священнику ежедневно приходилось проводить среди больных по 8-10 часов, исполняя не только религиозные обряды, но обязанности и брата милосердия, и фельдшера. Подготовленный медицинский персонал в составе военного

временного госпиталя прибыл в Виддино через два месяца, после того как полк оказался в критической ситуации. Вместе с госпиталем прибыли студенты – братья милосердия – и 300 чел. прислуги, однако священника среди прибывших не оказалось. Поэтому полковой священник продолжил службу в госпитале вплоть до победы над эпидемией [12, с. 403]. Всего за время стояния полка в г. Виддино поле с 25 марта по 10 октября 1878 года через полковой лазарет прошли 61 офицер и 2569 нижних чина, из них умерли 2 офицера и 234 нижних чина [12, с. 406].

Вот еще одно свидетельство службы на Балканах: «Тифозные заболевания усиливаются. Умерших уже отправляют на кладбища одновременно не единицами, но десятками, хоронят уже не в гробах, а кладут без них рядом трупы в общую могилу, которую после наполнения засыпают землей... В это тяжелое время на долю полкового священника 5-го гренадерского Киевского полка, отца Павла Соколова, выпал тяжелый труд. Ежедневно по несколько раз, он посещал околотки тифозных, напутствовал умирающих к переходу в вечную жизнь, ежедневно, несколько раз, о. Павел провожал умерших в место вечного покоя. За отсутствием других священников, отцу Соколову приходилось приобщать и хоронить тифозных не одного Киевского полка, но и других частей войск, расположенных в г. Шаркьей <...> и болезнь не обошла о. Соколова <...> он заболел тифом <...> Едва только он почувствовал возможность ходить, как, немедля, принялся за исполнение своих священных обязанностей <...> труды о. Павла Соколова, в описываемое страшное время, были тяжелы; целые дни он не знал покоя, зачастую, не имел отдыха и ночью...» [13, с. 207].

Нередко военные священники оставались со своей паствой и во время боев, напутствуя и поддерживая солдат, проявляя героизм и мужество. Так, священник 160-го пехотного Абхазского полка 40-й пехотной дивизии Федор Матвеевич Михайлов принимал участие во всех сражениях своего полка и всегда находился в передовых цепях. Своей необычной храбростью о. Федор был

¹²РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 753.

известен всему отряду, действовавшему на кавказско-турецкой границе: за отличие в боях с турками при блокаде г. Эрзерума он произведен в сан протоиерея, кроме того, награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте [4, с. 216]. Известны и другие подвиги, совершенные полковыми священниками.

С изменением характера войн изменилось и содержание работы священников. В ходе Русско-японской войны впервые стали даваться рекомендации полковым священникам с указанием их места в боевой обстановке: так, было предписано, чтобы во время боя они находились не далее полковых перевязочных пунктов. Дивизионным же благочинным велено принять все меры, для того чтобы дивизионные лазареты не оставались во время боевых действий без священников: рекомендовалось направлять в эти лазареты священников из резервных полков или неразвернутых госпиталей. Кроме того, благочинные соединений должны были принимать все необходимые меры к исполнению религиозных обрядов для чинов других частей, которые не имели своих священников и находились в районах дислокации дивизий¹³.

Будущий главный священник 1-й Маньчжурской армии, а затем протопресвитер армии и флота священник 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Г.И. Шавельский в своих письмах, характеризуя боевые действия, отмечал, что, не устанно находясь со своим полком, отступавшим к Ляояну с непрерывными боями, он в полной мере «испытал все невзгоды военной поры» [4, с. 248]. Подобное можно сказать о большинстве полковых священников, участвовавших в боях вместе со своими частями.

По сравнению с предыдущими кампаниями общая численность военного духовенства в Русско-японскую войну была довольно значительной. Всего в трех армиях находилось около 300 священников военного времени [4, с. 229]. Кроме штатного полкового духовенства на войну было призвано более 20 епархиальных священников.

Среди военного духовенства действующей армии присутствовали священники, которые добровольно ушли на фронт, в то время как их части никогда не были на театре военных действий. Например, священник С. Щербаковский не только сам добровольно ушел на фронт, но и свою жену отправил служить сестрой милосердия в Порт-Артуре. За свои заслуги в ходе боевых действий о. Щербаков был награжден Орденом Св. Георгия [14, с. 6].

Отдельно стоит отметить героическую службу 15 военных священников, находящихся в осажденном Порт-Артуре. После сдачи крепости все военное духовенство, в соответствии с международным правом о пленных медработниках и духовенстве, подлежало отправке в Россию [15, с. 454]. Многие порт-артурские священники пожелали остаться в плену, аргументируя это тем, что столь большое количество пленных нельзя оставлять без церковных служб. Однако разрешения остаться с пленными получено не было. Японцы заверили, что пленным будут предоставлены православные священники-японцы [15, с. 457].

Выявлялись и недостатки, связанные в первую очередь с системой мобилизации епархиального духовенства в войска и госпитали в случае войны. Правящие архиереи старались не отправлять в армию свои лучшие кадры, и это могло отражаться на качестве службы совершенно неподготовленного человека. Показательно письмо командира 284-го пехотного Чембарского полка полковника А. Сорнева начальнику 71-й пехотной дивизии, в котором он просит заменить своего полкового священника иеромонаха Елисея и отправить его обратно в монастырь. В письме отмечается, что «несмотря ни на какие увещания, Иеромонах Елисей пьянствует, отличается крайней неопрятностью, совершенно не образован и не развит, незнаком ни с какими требованиями порядочного общества, служит посмешищем в полку и вызывает к себе брезгливое отношение офицерских чинов полка»¹⁴. Просьба командира полка была удовлетворена.

¹³РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5507. Л. 29–30.

¹⁴Там же. Д. 3755. Л. 147, 147 об.

Однако, несмотря на то, что духовенство военного ведомства уходило на войну, не имея опыта участия в военных действиях, в целом оно с достоинством исполнило свой долг. Об этом говорят награды и потери среди полковых священников. В ходе боевых действий погибли 10 священников, из них 5 корабельных; 10 священников сухопутных войск были ранены или контужены, причем один из них сошел с ума [14, с. 7–8]. Более 40 военных священников по итогам войны награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте [14, с. 8]. Стоит отметить, что опыт Русско-японской войны сыграл большую роль в улучшении дальнейшей подготовки военных священников.

Перед Первой мировой войной в ведомстве протопресвитера состояли 907 неподвижных храмов (12 соборов, 806 полковых, 12 крепостных, 24 госпитальных, 10 тюремных, 6 портовых, 3 домовых церкви и 34 – при разных учреждениях), на должностях военных священников – 730 иереев вместе с диаконами, которые также входили в корпус военного духовенства (чуть менее 1 тыс. чел.) [16]. В случае войны при развертывании новых полков и военно-медицинских учреждений в их штат включались священники из мобилизованного приходского духовенства. Последнее мобилизационное расписание перед Первой мировой войной было принято в 1910 году¹⁵ и вступило в силу 1 мая 1912 года. По новому расписанию мобилизации в случае войны призыву в армию подлежали 152 епархиальных священника¹⁶, в военные госпитали – 434¹⁷.

Однако реалии начавшейся войны перечеркнули все планы. Никто не предполагал, что под ружье придется поставить столь значительное количество людей. Для службы во вновь формируемые части и замещения убыли в первоочередных полках регулярно проводилась мобилизация приходских священников. За период с 1914 по 1917 год через

армейские ряды прошли свыше 5 тыс. священников [17, с. 93]. При этом, учитывая все возрастающую численность армии, ведомство протопресвитера считало количество военного духовенства недостаточным.

В силу специфики боевых действий Первой мировой войны, ее позиционного характера большинство священников предпочитало находиться при госпиталях или на перевязочных пунктах. В последнем случае духовенство оказывалось под неприятельским огнем, что ярко свидетельствует о героизме вчерашних приходских батюшек. Многие представители военного духовенства неотлучно находились на передовой вместе со своими частями, участвовали в боевых действиях. Среди множества примеров героизма можно выделить подвиг полкового священника протопопа Смирнова, зимой 1916 года поведшего в бой 154-й Дербентский полк при взятии на Кавказском фронте Эрзерумской крепости. В этом сражении он потерял ногу [18, с. 51]. Были и попытки отправить русских священников в лагеря военнопленных в Германию и Австро-Венгрию. Однако немцы не пропустили русских священников на свою территорию, заявив, что обеспечивают религиозные нужды военнопленных за счет православных священников, присланных из Австрии, Болгарии и завоеванных русских территорий¹⁸.

Данные о ранениях и потерях в среде военного духовенства можно проследить на примере ниже приведенной *таблицы*.

**СВЕДЕНИЯ О СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯХ,
НАХОДЯЩИХСЯ НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ
В ЗАПАДНОЙ АРМИИ В ОКТЯБРЕ 1915 года¹⁹**

Общее число	Убитых	Умерших от ран	Раненых	Пострадавших от удуш-ливых газов	В плену	Пропавших без вести	Контуженных
511	3	7	2	3	10	5	24

¹⁵РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 79. Л. 9.

¹⁶Там же. Оп. 5. Д. 7118. Л. 29–33 об.

¹⁷Там же. Л. 22–27.

¹⁸Там же. Оп. 19. Д. 80. Л. 22.

¹⁹Таблицу см.: РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10581. Л. 8, 10.

Как видим, учитывая общую численность военных священнослужителей и специфику их службы, убыль пленными, убитыми, ранеными и пропавшими без вести была довольно значительной.

О доблести военных священников в годы Первой мировой войны свидетельствуют многочисленные факты награждения духовенства за боевые заслуги. Если за все время существования ордена Св. Георгия (до войны включительно) этой награды удостоены только 4 священника, то за время Первой мировой войны – 14. Кроме того, священникам были вручены 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов Св. Владимира 3-й степени с мечами, 203 ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, 304 ордена Св. Анны 2-й степени с мечами и 239 орденов Св. Анны 3-й степени с мечами [19, с. 164].

Деятельность военного духовенства высоко оценивал и его руководитель – протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский. Уже после войны он писал: «Могу смело сказать, что с тех пор как существует военное духовенство, оно впервые только теперь отправлялось на войну с совершенно определенным планом работы и с точным понятием обязанностей священника в разных положениях и случаях при военной обстановке: в бою и вне боя, в госпитале, в санитарном поезде и пр. Несомненно, этим объясняется то обстоятельство, что, по общему признанию, в эту войну духовенство работало как никогда раньше» [17, с. 84].

Октябрьский переворот большевиков и последовавшая за ним демобилизация Русской армии прекратили существование института военного духовенства. Несмотря на активную деятельность полковых священников, помешать событиям октября 1917 года военное духовенство не могло [см.: 20]. При рассмотрении данного аспекта надо учитывать общее падение авторитета института Русской православной церкви и государственной власти в обществе. Военное духовенство в целом свои обязанности исполняло на должном уровне.

В Красной армии замена военных священников на институт комиссаров, должных отвечать за морально-волевые и идеологические качества солдат, имела позитивные и негативные стороны. Безусловно, секуляризация способствовала тому, чтобы климат в армейском коллективе был единым, однако различие характеров и разное отношение отдельных солдат к религиозным ценностям в современной Российской армии делают насущной проблему поддержания патриотических чувств в условиях опасности, возможной смерти, и институт военных священников может и должен дать воинам требуемый психологический и духовный настрой. История Русской императорской армии показывает, что духовная забота о солдате необходима и составляет важный аспект его боеспособности.

Список литературы

1. *Осмачко С.Г.* Русская православная церковь и Вооруженные силы РФ // Ярослав. пед. вестн. Т. 1. Гуманит. науки. 2013. № 1. С. 42–52.
2. *Карпук Д.А.* Конференция «История военного и морского духовенства в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.» в Санкт-Петербургской православной духовной академии // Христиан. чтение. 2014. № 2–3. С. 258–262.
3. V Открытая научно-практическая конференция «Ивашевские чтения» среди учащихся довузовских образовательных учреждений Министерства обороны Российской Федерации: 300-летию учреждения военного духовенства посвящается...: сб. тез. исслед. работ. Ульяновск, 2016. 60 с.
4. *Катков В.М.* Военное духовенство России. Страницы истории: моногр.: в 2 кн. СПб., 2004. Кн. 1. 319 с.
5. *Иванов В.П.* Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих русской армии (XVIII – начало XX века): моногр. М., 2013. 322 с.
6. *Шутько Д.В.* Роль религии в воспитании военнослужащих армии Российской империи // ГосРег. 2012. № 1. С. 15–20.

7. Мельникова Л.В. Армия и православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. 413 с.
8. Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). СПб., 1900. 151 с.
9. Богуславский И., прот. К назначению помощника Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестн. воен. духовенства. 1910. № 8. С. 253–257.
10. К вопросу о прошлом и современном состоянии военного духовенства (начало) // Вестн. воен. духовенства. 1890. № 1. С. 8–15.
11. Из периодической печати за минувший год // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1912. № 1. С. 29–32.
12. Лапшин Г., прот. К вопросу о затруднениях священника при совершении треб в военное время // Вестн. воен. духовенства. 1898. № 8. С. 249–254.
13. Вестник военного духовенства в первые три года его существования (продолжение) // Вестн. воен. духовенства. 1893. № 7. С. 179–184.
14. Желобовский А.А. Поучение на новый год // Вестн. воен. духовенства. 1906. № 1. С. 6–8.
15. Мореев И. Братское собрание военного духовенства 31-го мая 1905 года // Вестн. воен. духовенства. 1905. № 15. С. 451–463.
16. Циндренко Ю.П., Зеленина Т.Р. Военное духовенство на фронтах Первой мировой // Общество, государство, право. 2014. Вып. 4. URL: <http://gosuprav.ru/PDF/18OGP414.pdf> (дата обращения: 20.05.2017).
17. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. М., 1996. Т. 2. 412 с.
18. Михайлов В.В. Разгром турецкой армии и овладение первоклассной крепостью // Воен.-ист. журн. 2006. № 8. С. 49–53.
19. Сенин А.С. Армейское духовенство в России в Первую мировую войну // Вопр. истории. 1990. № 10. С. 159–165.
20. Кострюков А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2(31). С. 143–198.

References

1. Osmachko S.G. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i Vooruzhennye sily RF [The Russian Orthodox Church and the Armed Forces of the Russian Federation]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. T. 1. Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 1, pp. 42–52.
2. Karpuk D.A. Konferentsiya “Istoriya voennogo i morskogo dukhovenstva v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vv.” v Sankt-Peterburgskoy pravoslavnoy dukhovnoy akademii [Conference “The History of Army and Naval Clergy in the Russian Empire at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century” Held at St. Petersburg Orthodox Theological Academy]. *Khristianskoe chtenie*, 2014, no. 2–3, pp. 258–262.
3. *V Otkrytaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Ivashevskie chteniya” sredi uchashchikhsya dovuzovskikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii: 300-letiyu uchrezhdeniya voennogo dukhovenstva posvyashchaetsya...: sb. tez. issled. rabot* [5th Open Sci. Conf. “Ivashev Readings” Among Students of Pre-University Educational Institutions of the Ministry of Defence of the Russian Federation: Dedicated to the 300th Anniversary of the Establishment of Military Clergy: Coll. Abs. Res.]. Ulyanovsk, 2016. 60 p.
4. Katkov V.M. *Voennoe dukhovenstvo Rossii. Stranitsy istorii* [The Military Clergy of Russia. Pages of History]. St. Petersburg, 2004. Book 1. 319 p.
5. Ivanov V.P. *Stanovlenie i razvitie sistemy religioznogo vospitaniya voennosluzhashchikh russkoy armii (XVIII – nachalo XX veka)* [Formation and Development of the System of Religious Education of Servicemen in the Russian Army (18th – Early 20th Century)]. Moscow, 2013. 322 p.
6. Shut'ko D.V. Rol' religii v vospitanii voennosluzhashchikh armii Rossiyskoy imperii [The Role of Religion in the Education of Military Personnel in the Army of the Russian Empire]. *GosReg*, 2012, no. 1, pp. 15–20.
7. Mel'nikova L.V. *Armiya i pravoslavnaya tserkov' Rossiyskoy imperii v epokhu napoleonovskikh voyn* [The Army and the Orthodox Church of the Russian Empire in the Era of the Napoleonic Wars]. Moscow, 2007. 413 p.

8. Laskeev F.M. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii voennym i morskim dukhoven-stvom za minuvshee stoletie (1800–1900 gg.)* [Historical Note on the Management of the Military and Naval Clergy over the Past Century (1800–1900)]. St. Petersburg, 1900. 151 p.
9. Boguslavskiy I. K. *naznacheniyu pomoshchnika Protopresvitera voennogo i morskogo dukhovenstva* [To the Appointment of the Assistant Protopresbyter of the Military and Naval Clergy]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*, 1910, no. 8, pp. 253–257.
10. *K voprosu o proshlom i sovremennom sostoyanii voennogo dukhovenstva (nachalo)* [On the Past and Present State of Military Clergy (the Beginning)]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*, 1890, no. 1, pp. 8–15.
11. *Iz periodicheskoy pechati za minuvshiy god* [From the Periodical Press for the Past Year]. *Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva*, 1912, no. 1, pp. 29–32.
12. Lapshin G. *K voprosu o zatrudneniyakh svyashchennika pri sovershenii treb v voennoe vremya* [On the Priest's Difficulties in Holding Occasional Services During Wartime]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*, 1898, no. 8, pp. 249–254.
13. *Vestnik voennogo dukhovenstva v pervye tri goda ego sushchestvovaniya (prodolzhenie)* [Herald of the Military Clergy in the First Three Years of Its Existence (Continuation)]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*, 1893, no. 7, pp. 179–184.
14. Zhelobovskiy A.A. *Pouchenie na novyy god* [Sermons for the New Year]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*, 1906, no. 1, pp. 6–8.
15. Moreev I. *Bratskoe sobranie voennogo dukhovenstva 31-go maya 1905 goda* [Brethren Meeting of the Military Clergy on 31 May 1905]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*, 1905, no. 15, pp. 451–463.
16. Tsindrenko Yu.P., Zelenina T.R. *Voennoe dukhovenstvo na frontakh Pervoy mirovoy* [Military Clergy at the Fronts of World War I]. *Obshchestvo, gosudarstvo, pravo*, 2014, no. 4. Available at: <http://gosuprav.ru/PDF/18OGP414.pdf> (accessed 20 May 2017).
17. Shavel'skiy G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoy armii i flota: v 2 t.* [Memoirs of the Last Protopresbyter of the Russian Army and the Fleet: In 2 Vols.]. Moscow, 1996. Vol. 2. 412 p.
18. Mikhaylov V.V. *Razgrom turetskoy armii i ovladenie pervoklassnoy krepost'yu* [Defeat of the Turkish Army and Capture of the First Class Fortress]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2006, no. 8, pp. 49–53.
19. Senin A.S. *Armeyskoe dukhovenstvo v Rossii v Pervuyu mirovuyu voynu* [Army Clergy in Russia During World War I]. *Voprosy istorii*, 1990, no. 10, pp. 159–165.
20. Kostryukov A.A. *Voennoe dukhovenstvo i razval armii v 1917 godu* [Military Clergy and the Collapse of the Army in 1917]. *Tserkov' i vremya*, 2005, no. 2, pp. 143–198.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.16

Sergey V. Emel'yanov

State Museum of Political History of Russia;
Kronverkskiy prosp. 1, St. Petersburg, 190000, Russian Federation;
e-mail: batukom@mail.ru

Vadim V. Mikhaylov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;
ul. Gastello 15, St. Petersburg, 190000, Russian Federation;
e-mail: batukom@mail.ru

THE LIFE AND SERVICE OF THE RUSSIAN MILITARY CLERGY IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

Today, there are calls for the re-introduction of regular military priests in the Russian Army. This makes it important to study the establishment and functioning of the Spiritual Military Department of the Russian Imperial Army. The united department of military clergy was initiated in the mid-1880s by the

For citation: Emel'yanov S.V., Mikhaylov V.V. The Life and Service of the Russian Military Clergy in the Late 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 16–27. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.16

military circles and the Chief Priest of the Army and Navy A.A. Zhelobovsky. On the 11th of July 1890, Zhelobovsky received the decrees of the Holy Synod about his appointment to the post of Protopresbyter of the Military and Naval Clergy and the transition of all the churches of the army and navy under his command. During his service there was established a Spiritual Board. Since the last quarter of the 19th century, a great deal of work had been done in the Spiritual Military Department. The main achievement was the improved material and living conditions of the military clergy and the enlistment of the best secular clerics. On the 22nd of April 1911, the Russian Imperial Army had a new protopresbyter – an outstanding priest G.I. Shavelsky – the first one with considerable experience in military operations. The leaders of the Spiritual Military Department had created a clear and coherent structure for the institute of military clergy, which was further improved and developed. In peacetime, religious rituals could be irregular, with the exception of regimental and garrison churches in large cities, where services were held on a regular basis. As part of their duties military clerics had to give Scripture lessons and general out-of-service talks and readings, as well as have individual conversations with sectarians. In battle, the regimental priest was located at the front dressing station: many military clerics were constantly present on the front line and engaged in combat. The valour of military priests during the war is evidenced by numerous facts of their awarding for meritorious service.

Keywords: *Russian Imperial Army, military clergy of the Russian Empire, Protopresbyter of Military and Naval Clergy, A.A. Zhelobovsky, G.I. Shavelsky, Russo-Japanese War.*

Поступила: 11.01.2017
Received: 11 January 2017